
РЕЦЕНЗИИ. ОТКЛИКИ НА ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА
COMMENTS AND REVIEWS ON ARTICLES
PUBLISHED IN THE JOURNAL

УДК 070

DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(3).557-559

Коваленко Александр Георгиевич

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой

Кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, e-mail: ak-taurus@mail.ru

Aleksandr G. Kovalenko

D.Sc. in Philology, Professor, Head of the Department
Department of Russian and Foreign Literature, People's Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklay Str., 117198, Moscow, Russia Federation, e-mail: ak-taurus@mail.ru

О ЖУРНАЛИЗМЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

(отклик на статью А. П. Суходолова и Е. С. Антипиной «Феномен журнализма в творческом наследии И. А. Бунина (на материале произведения «Окаянные дни»)»)*

ON JOURNALISM AND ARTISTRY

(review of the article by Alexander P. Sukhodolov and Elena S. Antipina *The phenomenon of journalism in Ivan A. Bunin's literary legacy (based on his book Cursed Days)*)

В статье А. П. Суходолова и Е. С. Антипиной произведение И. А. Бунина «Окаянные дни» рассматривается как важный исторический и литературный документ, свидетельствующий о тесной связи писателя с журналистикой. Утверждается, что бунинское творчество пронизано «журнализмом», и особенно отчетливо это проявилось в произведении дневникового характера, которое создавалось в годы Гражданской войны.

Действительно, газеты, журналы, издательства, журналисты, издатели, редакторы и разные люди, имеющие то или иное отношение к российским средствам массовой информации, занимают в «Окаянных днях» значительное место. В условиях, когда ситуация в стране менялась с фантастической скоростью, когда события чередовались так стремительно, что сведения о них поступали к читателям с огромным опозданием, газеты остава-

* См.: Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7, № 2. С. 195–209.

лись единственным достоверным или почти достоверным источником информации. И Бунин жадно хватался за любой источник, который мог пролить свет на происходящее в стране.

В «Окаянных днях» газеты занимают значительное место, однако по этой причине говорить о «журнализме» Бунина как главной составляющей его творчества, на наш взгляд, было бы преувеличением. Дело в том, что «Окаянные дни» изначально являются произведением дневникового характера, не предназначенным для печати. Менее всего в то время И. А. Бунин думал о том, что его текст станет достоянием газеты или журнала. Известно, что первые фрагменты дневников появились в парижском издательстве в 1926 г., т. е. спустя шесть лет после того, как писатель покинул Россию. Рассматривать дневниковые записи как журналистский и публицистический материал вряд ли возможно. Бунин тщательно готовил для публикации текст «Окаянных дней», повествующий о событиях, информационная актуальность которых давно истекла. Временная дистанция превратила сугубо личный документ — дневник — в факт художественного значения. Картина России в дневниках Бунина приобрела статус художественного образа, а название «Окаянные дни» придало библейский смысл изображенному российскому апокалипсису, по крайней мере таким видел писатель значение исторических событий.

Утверждать о «журнализме» Бунина как следствии его тесной связи с различными СМИ тех времен также вряд ли возможно. И. А. Бунин не писал ни очерков, ни репортажей, ни

газетных статей, а публикация художественных рассказов на страницах газет была данью традиции, и это обстоятельство имеет отношение не к Бунину, а, скорее, к редакционной политике, характеру и структуре газетного издания, стремившегося разнообразить контент для охвата большего количества читателей. И в этом смысле, по-видимому, газеты тех времен существенно отличались от нынешних. Бунин был и остается художником, мастером художественного слова. Доминанта творческой индивидуальности писателя связана со стремлением изобразить Россию в живой и подвижной картине, с ее природой и характерами, в стремлении понять суть и дух исторического пути России.

Бунин-художник подчиняет своей главной задаче — изображению исторической драмы России — все средства, широкая палитра которых представлена именно в «Окаянных днях». И в этом контексте любопытно отметить следующее. Наиболее интересным инструментом художественного анализа И. А. Бунина представляется, скорее, не информация, почерпнутая писателем из газет, а совсем другие источники — подробности личных беглых наблюдений на улице и *слухи*. Для Бунина это гораздо более важная «достоверность», чем правда средств массовой информации. Он всматривается в лица людей, слушает голоса, тонко подмечает детали. «Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские» — так характеризуются демонстранты на московской улице в одном из фрагментов книги...

Бунин подобен чуткому «сейсмографу», и, наверное, это самая точная метафора, характеризующая функцию наблюдателя, и в этом демонстрация скорее его «антижурнализма». Или, можем допустить, очень специфическое проявление «журнализма». Так же как механический инструмент, предназначенный для регистрации подземных толчков, предупреждающих о землетрясении, И. А. Бунин улавливает, фиксирует и пытается осмыслить происходящее через мельчайшие подробности личных наблюдений.

В контексте обсуждаемой проблемы, пожалуй, самое интересное в «Окаянных днях» — это «жанр» слухов. Перечитывая дневники под этим углом зрения, обращаешь внимание на сплошные бунинские «Говорят, что...», «Будто бы...», «В городе говорят...» и т. д. В отсутствие точной информации слух приобретает особенность создавать деформированную, но живую и подвижную картину реальности. Слух есть реальность или ее подобие. Бунин слышит, слушает, запоминает, записывает, проверяет, осмысляет слухи, создавая картину нагромождения *недостовой информации*, но в этой своей *недостовойности* —

чрезвычайно характерной и живой. Прозвучит парадоксально, но непроверенная информация, воспринятая лично, становится единственной достоверностью смутного времени революции и Гражданской войны и, заметим, приобретает статус образа времени, индикатора глубинных социальных проблем.

Таким образом, представляется, что заявленный в статье приоритет бунинского «журнализма» нуждается в уточнении, также необходимо более правильное акцентирование различных аспектов его творчества. Приоритет, думается, все же за Буниным-художником, а его «журнализм» сводится лишь к косвенному раскрытию истории российских СМИ в годы Гражданской войны. Историк журналистики может многое почерпнуть из бунинской книги. Однако необходимо поставить всё на свои места, указав приоритеты: в структуре его творчества преобладающее значение остается за «художественностью», а «феномен журнализма» — это скромная его часть, имеющая вспомогательный характер инструмента создания *образа России* — яркого, живого, исполненного трагизма и боли, лично окрашенного и противоречивого.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Коваленко А. Г. О журнализме и художественности (отклик на статью А. П. Суходолова и Е. С. Антипиной «Феномен журнализма в творческом наследии И. А. Бунина (на материале произведения «Окаянные дни»)») / А. Г. Коваленко // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 3. — С. 557–559. — DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).557-559.

FOR CITATION

Kovalenko A. G. On Journalism and Artistry (Review of the Article by Alexander P. Sukhodolov and Elena S. Antipina *The phenomenon of journalism in Ivan A. Bunin's literary legacy (based on his book Cursed Days)*). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 557–559. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).557-559. (In Russian).